

И.П. Золотусский

Трагедия мечты

В двух шагах от Нового Арбата, в Трубниковском переулке, дом 17, осенью 1999 года была открыта выставка, посвященная столетию со дня рождения Андрея Платонова. В помещении литературного музея, заполненного фотографиями, рукописями, документами, было пусто. Мало кто заглядывал сюда: Платонов по-прежнему обитает на периферии читательского сознания как некий «странный» писатель, место которого на родовом древе русской литературы еще не определено.

Да и деньги на оборудование выставки дало не правительство, не ЮНЕСКО, которое по праву могло бы назвать 1999 год годом Платонова, а железная дорога, может быть, потому что Платонов был сын железнодорожного слесаря и мечтал стать машинистом.

Его отец Платон Фирсович Климентов (настоящая фамилия Платонова) был «великим артистом железа», как назвал его в одном из своих очерков сын. Он пережил сына ровно на год.

В выписке из церковной книги, которая экспонировалась на выставке, было сказано, что Платонов родился в городе Задонске и что внес его в эту книгу его тезка священник Андрей. Дед Платонова, работавший по золоту и вырезавший из металла оклады для икон, был тоже мастер. Он работал в монастырях, в одном из которых нашел последнее пристанище св. Тихон Задонский.

Вспоминая детство, прошедшее в Ямской слободе под Воронежем, Платонов писал:

«Колокол “Чугунной” церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я. Кроме поля, деревни и матери и колокольного звона я любил еще паровозы, ноющий гудок и потную работу».

Пролетарий по рождению и по вере, Платонов принял идею революции как свою. У него, по его собственному признанию, было «телесное ощущение революции». Так чувствует дитя тепло матери, когда та ласкает и кормит его.

В статье «Христос и мы», опубликованной в 1920 году, он писал:

«Пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщениа. И этот гнев выше всякой небесной любви».

Перефразируя известные строки Евангелия, Платонов от имени своего класса мог бы сказать: «Нам отмщение, и Мы воздадим».

Революция в его представлении брала на себя функции Бога.

После 1917 года для Платонова, как для тысяч и тысяч таких, как он, начался «ремонт земли», подразумевающий не только переоборудование России, но и всего мира. Недаром его герои трудятся, любят и отдыхают «на поверхности земного шара».

«Ремонт земли» обернулся разрушением и кровью. Мечта пролетария о создании царства Божия на земле была поругана. И истово верующий в святость мщениа и в то, что «свинцом, пулеметом, пушками» можно очистить Россию от «зверя», Платонов — уже в конце двадцатых годов, когда была выкошена деревня, погублена интеллигенция и сам пролетариат (от лица которого все это делалось) — ужаснулся содеянному.

Из этого ужаса, смешанного с нестерпимой болью, и родилась его проза. Не было бы великой мечты, не было бы и великой трагедии. Не было бы и великого писателя.

Платонов взошел на литературном небе как одинокая звезда, явление которой, кажется, не предусматривалось ни традицией, ни преемственностью. У него нет предшественников, нет и последователей. Приходит в голову мысль, что он произошел от самого себя. Я могу сравнить его только с Иеронимом Босхом, в музыке аналога ему я не вижу.

Бах располагается в пределах богоцентрической системы — Платонов не верит в Бога. Моцарт? Тогда это Моцарт «Реквиема».

Гибель мечты о досрочном явлении коммунизма, запечатленная в «Чевенгуре» и «Котловане», в «Ювенильном море» и «Счастливой Москве», для него — и его героев — не крушение абстракций, а гибель жизни. «Падающая ирония гибели» — гремящий компонент платоновского пафоса, пафоса катастрофы, близкой к мировому светопределению.

Стоило Платонову осознать это, как пролетарская власть замкнула на его руках наручники. Десять лет молчания — десять лет пытки, усугубленной арестом пятнадцатилетнего сына. Как рассказывала мне вдова Платонова Мария Александровна, сын их Платон решил отомстить за отца. И с несколькими своими сверстниками задумал застрелить Сталина во время демонстрации на Красной площади. Для этого была даже приобретена малокалиберная винтовка. Но нашелся тот, кто их выдал. В 1938 года Платон был арестован и приговорен к десяти годам лагерей как «руководитель антисоветской молодежной террористической и шпионско-вредительской организации». Документы по этому делу обнародованы в Трубниковском, 17.

После выхода в свет повести «Впрок» (1931), которой Платонов дал подзаголовок «бедняцкая хроника», он был взят на заметку как чужой писатель, ибо позволил себе усомниться в большевистском понимании крестьянского счастья. По преданию, главный пролетарий страны Иосиф Сталин начертил на полях этой повести: «Подлец! Наказать впрок!»

Что и было сделано. А. Фадеев, напечатавший «Впрок» в третьем номере «Красной нови», уже в №№ 5–6 назвал Андрея Платонова «кулацким агентом».

1931 год — это год поселения семьи Платоновых на Тверском бульваре, 25. Это год сноса храма Христа Спасителя, Страстного монастыря, уничтожения церкви и кладбищ, получившего название «реконструкция Москвы». Если пройти по оси бульваров, от истока Тверского до истечения Гоголевского, то окажешься на том месте, где при Платонове стоял уже не храм, а зиял котлован, вырытый под фундамент будущего Дворца Советов. Этот дворец был задуман большевиками как грандиозный памятник самим себе. Если храм Христа Спасителя имел в высоту 103,3 метра, то храм социализма должен был превышать его в росте в четыре раза. А на вершину его планировали водрузить восьмидесятиметрового Ленина. Ленинская голова должна была подпирать обиталище Бога, а его башмаки попирать и кремлевский холм, и соборы, и небесное пространство над Москвой.

Видение этого дворца явилось Платонову в повести «Котлован» (1930). Там тоже собираются строить огромный дом для пролетариев, но в пасть котлована падают один за другим его бездыханные строители. Последним здесь погибает ребенок, и его смерть означает, что в вавилонской башне XX века некому будет жить.

Еще ранее, в «Усомнившемся Макаре», Платонов увидел и каменного Ленина, парящего над столицей. Герой этой повести — странник, как и многие другие персонажи Платонова — «душевные бедняки», «бредущие созерцатели», «печальные человеки». Кстати, и одним из псевдонимов Платонова, позволяющим ему укрыться от глаз цензуры, был псевдоним «Человеков», а его последняя большая вещь, написанная на исходе тридцатых, — «Путешествие в человечество».

Макар, прибывающий в Москву «добывать себе жизнь под золотыми головами храмов и вождей», видит сон.

«Страдание его перешло в сновидение, он увидел во сне гору... и на той горе стоял научный человек. А Макар лежал под той горой, как сонный дурак, и глядел на научного человека, ожидая от него либо слова, либо дела. Но человек тот стоял и молчал, не видя горящего Макара и думая лишь о целостном масштабе, не о частном Макаре. Лицо ученойшего человека было освещено заревом дальней массовой жизни, что расстилалась над ним вдалеке, а глаза были страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора.

...Макар пополз на высоту по мертвой каменистой почве. И... долез до образованнейшего и тронул слегка его толстое громадное тело. От прикосновения неизвестное тело шевельнулось, как живое, и рухнуло на Макара, потому что оно было мертвое».

Несколько раз в этом отрывке повторяется слово «мертвый». Платонов как бы настаивает на том, что строительство на крови и на костях не несет ничего, кроме смерти.

Это похороны мечты Платонова.

За двадцать лет его жизни на Тверском переименовывали бульвары, переставляли или вовсе убирали памятники: так случилось с Гоголем, изваянным Андреевым, которого, выдворив его с Арбатской площади, сослали в Донской монастырь. Здесь же, неподалеку от дома Платонова, в роскошном особняке Рябушинских давал пиры в честь вождей отец соцреализма Горький. По недоразумению он был признан великим пролетарским писателем, тогда как никогда не состоял в пролетариях.

В маленькую квартирку Платоновых, состоящую из двух комнат величиной в 27 квадратных метров, вернулся из Норильска больной туберкулезом Платон. Тут он и умер. Платонов и сам был болен. Он заразился от сына, день и ночь ухаживая за ним. Он часто навещался в аптеку, стоящую на углу Тверского и Страстной. Рядом с аптекой находилась и пивная, где можно было утешить если не ум, то сердце.

В 1942 году во время эвакуации рукопись «Путешествия в человечество» была потеряна. Тогда же Андрей Платонов попросился на фронт. Рекомендовавший его для работы в газете «Красная звезда» Василий Гроссман писал заместителю главного редактора, что Платонов не только очень талантлив, но «беззащитен и неустроен». Эти следы беззащитности видны и на его последних фотографиях. Истомленное лицо. Горькая, открытая улыбка.

«Если б брат мой Митя, – писал Платонов, – или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели бы на меня, что со мною случилось? Я стал уродом, изувеченным внешне и внутренне. — “Андрюшка, разве это ты?” — “Это я — я прожил жизнь”».

Тайна Платонова — тайна языка. Она так же бездонна, как тайна природы, как тайна материи, в одушевленную глубину которой и проникает платоновский язык. Его трудно переводить, невозможно пересказывать. Им можно только дышать, как дышишь воздухом, не зная его состава. Можно ли исчерпать в слове движение облака на небе, безмолвное движение соков в дереве? Можно ли настичь словом улетающую мысль. Можно ли связать переживание маленького мальчика с таинственной жизнью травы, светящего с неба солнца и самим космосом? Слово Платонова делает это.

«Кто ты?» – спрашивает ребенок, увидев в траве ползущего куда-то жука. И этот вопрос не кажется нам смешным. Потому что мы существа одного мира, и, хотя, кажется, живем врозь и без понимания друг друга, никогда не перестанем на планете, данной нам в подарок, сеять смерть.